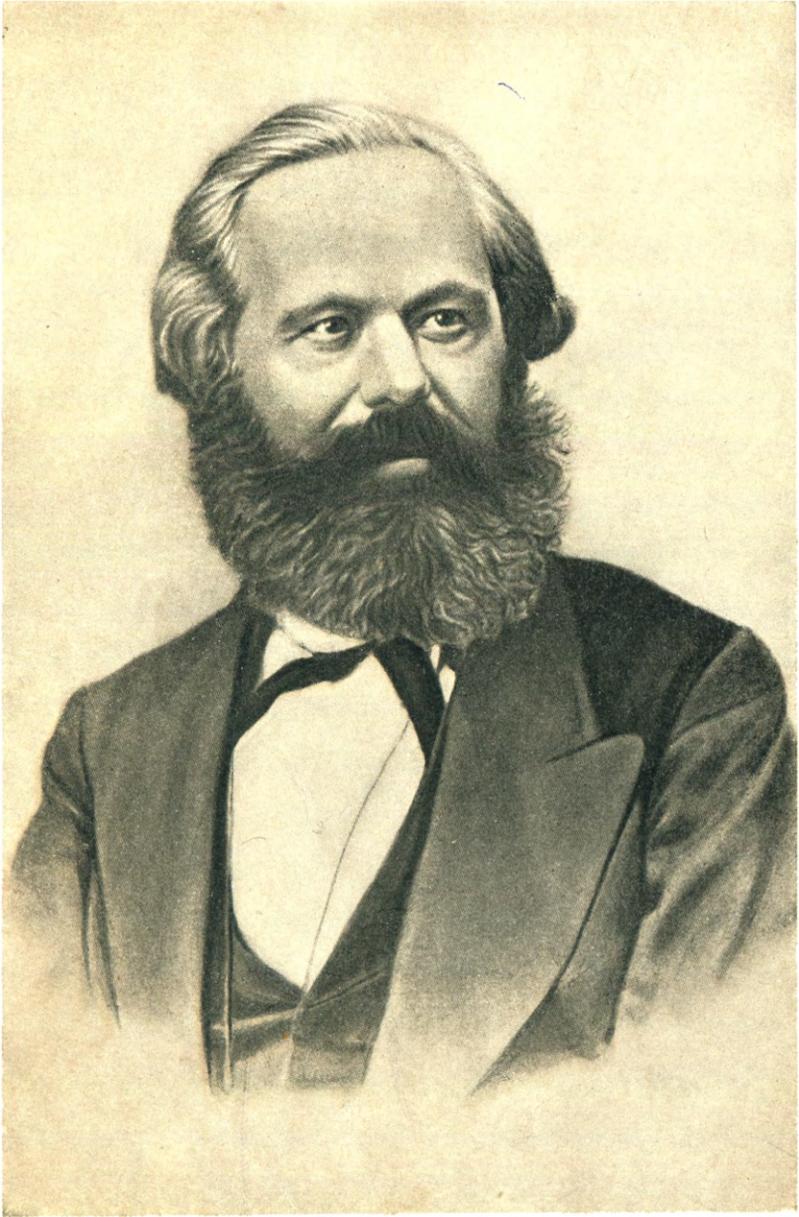

ВЕЛИКИЙ
УЧИТЕЛЬ
КАРЛ
МАРКС

ДЕТГИЗДАТ ★ ЦК ВЛКСМ

1 9 5 8

Karl Marx.

ВЕЛИКИЙ
УЧИТЕЛЬ
КАРЛ
МАРКС

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи*
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—Ленинград

1 9 3 8

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА.

Ответственный редактор *М. Чачко.*
Переплет и титул *Б. Тилова.*
Художеств. редактор *П. Суворов.*
Технич. редакторы *Г. Левина* и
Г. Шейнберг.
Корректоры *А. Савелкина* и
Ю. Посова

Детиздат № 2011. Индекс Д-7.
Формат 70×92¹/₁₆. 6 печ. л.+1 вкл.
(4,8 уч.-авт. л.) Тир. 25300 экз.
Сдано в прозв. 27/VIII 1938 г.
Подписано к печати 13/XII 1938 г.
Уполномоч. Главлита Б-56384.
Зак. 1113.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК В.КСМ.
Москва, Суцевский вал, 49

Ф. Энгельс

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ МАРКСА

марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим, но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека—неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин¹ открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории—тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные предста-

¹ Дарвин Чарльз (1809—1882) — знаменитый английский натуралист, совершивший переворот в биологии своим учением о развитии животного мира. Маркс писал Энгельсу, что книга Дарвина «Происхождение видов» «является естественно-исторической основой для наших взглядов». — *Ред.*

вления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось бы одно такое открытие. Но Маркс сделал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал,— даже в области математики,— а таких областей было немало, и ни одною из них он не занимался поверхностно.

Таков был Маркс как человек науки. Но не это в нем было главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи,— его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и в последнее время, в частности, за открытиями Марселя Дебрэ¹.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Рейнская газета» 1842 года, парижский «Вперед»

¹ Дебрэ Марсель (1843—1918) — французский ученый, физик, автор первых опытов передачи электрической энергии на расстояние. — *Ред.*

1844 года, «Немецкая брюссельская газета» 1847 года, «Новая Рейнская газета» 1848—1849 годов, «Нью-Йоркская трибуна» 1852—1861 годов и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное товарищество рабочих¹,—это было делом, которым поистине мог бы гордиться тот, кто его создал, если бы он, кроме этого, и не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — самодержавные и республиканские — выслали его, буржуа — консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!

1883 г.

¹ Первый Интернационал. — *Ред.*

КАРЛ МАРКС¹

арл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура². По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр³ и др.), которые стремились делать из философии Гегеля⁴ атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвиг Фейербаха⁵ и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне

¹ Здесь дана первая часть статьи, посвященная описанию жизни Маркса. — *Ред.*

² Эпикур (341—270 до н. э.) — знаменитый греческий философ. — *Ред.*

³ Бауэр Бруно (1809—1882) — немецкий философ. — *Ред.*

⁴ Гегель Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — гениальный немецкий философ-идеалист. — *Ред.*

⁵ Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист. Сыграл значительную роль в философской эволюции Маркса и Энгельса. — *Ред.*

у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг», — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т.-е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахянцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 янв. 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 янв. 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*)¹, еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г.

¹ В конце статьи В. И. Ленин дал список литературы, который мы не публикуем. — *Ред.*

эмигрант; после 1866—70 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 г.г., ниже: *Литература*. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мировоззрение, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий

1848—49 г.г., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1912 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»)¹. Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х г.г. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый 1-й Интернационал, «Международное Товарищество Рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини², Прудон³, Бакунин⁴, английский либеральный трэд-юнионизм, лассальян-

¹ «Господин Фогт». — *Ред.*

² Мадзини (1805—1872) — итальянский политический деятель. — *Ред.*

³ Прудон (1809—1865) — французский социалист-утопист, один из основоположников анархизма. — *Ред.*

⁴ Бакунин (1814—1876) — основоположник анархизма. Вел бешеную борьбу против Маркса, в 1872 году был исключен из Интернационала. — *Ред.*

ские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871 г.), которую так глубоко, метко, блестяще и *действительно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции 1871»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872), перенесение Генерального Совета Интернационала в Нью-Йорк. 1-й Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономики и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена, 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгейт в Лондоне.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ¹

I

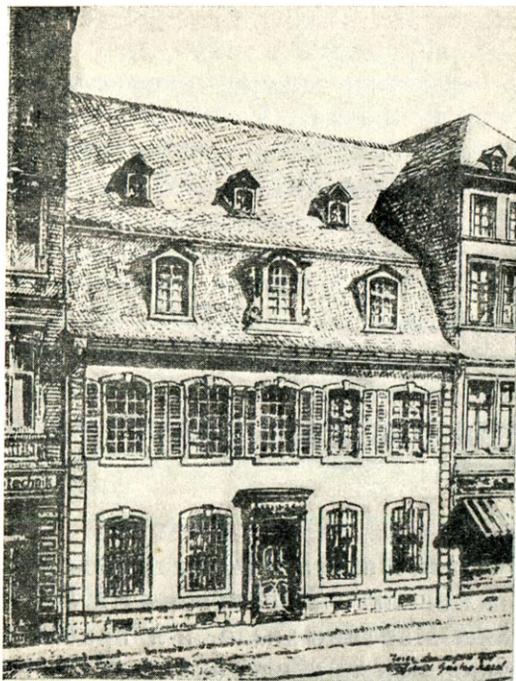

первый раз увидел я Карла Маркса в феврале 1865 года. Интернационал был основан 28 сентября 1864 года на собрании в Сент-Мартинс-холле, и я приехал из Парижа, чтобы сообщить ему сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толэн, — ныне сенатор буржуазной республики и один из ее представителей на берлинской конференции, — дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда двадцать четыре года; всю жизнь свою я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 году; он опасался, что ему не придется довести до конца свою работу, и с удовольствием принимал молодых людей. Он говорил: «Я должен готовить людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и

¹ Лафарг Поль (1842—1911) — участник I Интернационала, один из основателей французской рабочей партии и виднейший руководитель французского рабочего движения. Воспоминания его были напечатаны в 1890 году в журнале «Нейе Цейт». — *Ред.*

Дом в городе Трире, где родился
Карл Маркс.

в сыр, — не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников. «Наука — совсем не эгоистическое удовольствие: те счастливы, что могут отдаться научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для мира» было одним из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям он пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния частных интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам. Но если он без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие челове-

в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем воедино, что его невозможно понять, не видя в нем и ученого и социалистического борца. Хотя он и держался взгляда, что каждой наукой надо заниматься ради нее самой и что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, все же он считал, что ученый, если сам он не хочет снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся

ческого общества, то писал он только с определенным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него терялось в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью — способствовать торжеству дела рабочего класса, — класса, историческая задача которого создать коммунизм, когда только он возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, подобно тому как в свое время у буржуазии, завоевавшей власть, была задача — разбить феодальные оковы, мешавшие развитию сельского хозяйства и промышленности, установить свободное движение продуктов и людей, свободу договора между предпринимателями и рабочими, централизовать средства производства и обмена и т. д., не замечая того, что она таким образом подготавливает материальные и интеллектуальные элементы для коммунистического общества будущего.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. «Я гражданин мира, — говорил он, — и действую там, где нахожусь». И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования, — во Франции, Бельгии, Англии, — он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мною в той рабочей комнате на Мейтленд-парк род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи, для того чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это — историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса. Она помещалась в первом этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. По обе стороны камина и напротив окна у стен стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами;

Вильгельм Вольф.

в середине комнаты, где было много света, стоял очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом, напротив окна, стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробка с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа¹ и Фридриха Энгельса. Маркс очень много курил. «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили

мне сигары, которые я выкурил, работая над ним», сказал он мне. Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре, и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто останавливался, чтобы показать в книге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой; находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководился внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по

¹ Вольф Вильгельм (1809—1864) — коммунист, друг К. Маркса и Ф. Энгельса. В. Вольфу К. Маркс посвятил «Капитал». — *Ред.*

Город Трир (Германия). В этом городе родился Карл Маркс.

их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они мои рабы и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места, для того чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке. Гёйне и Гёте, которых он в разговоре часто цитировал, он

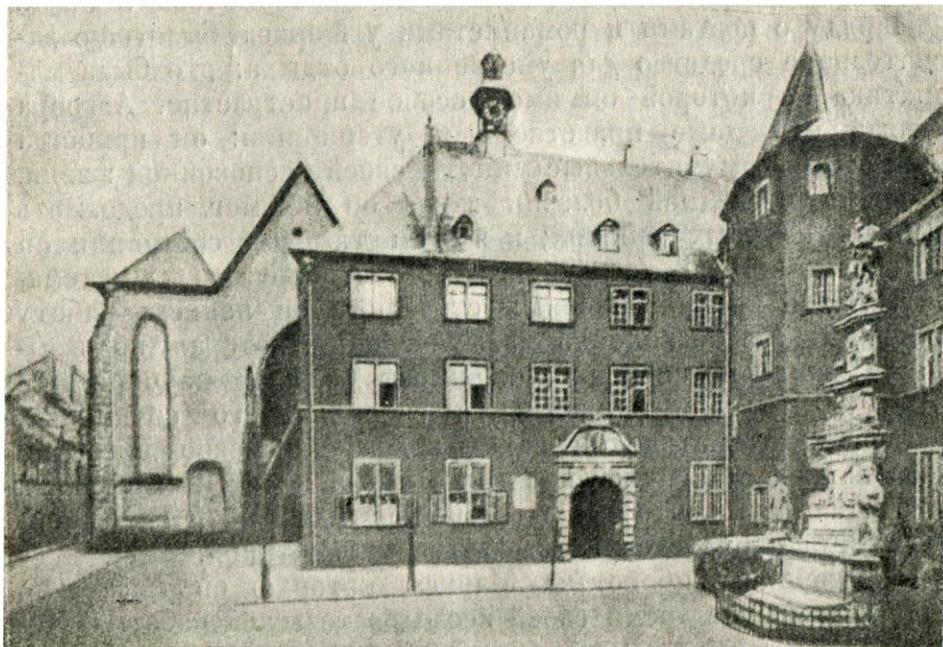
знал наизусть; он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы; ежегодно прочитывал он Эхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество. Шекспира, которого он очень любил, он специально изучал. Он знал его самых незначительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Его три дочери знали его наизусть. Когда после 1848 года он задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; так же внимательно изучал он часть полемических произведений Вильяма Коббета¹, которого он очень высоко ценил. Данте и Бернс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта (Роберта Бернса. — *Ред.*).

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье² устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отдых. Маркс был такой же неутомимый работник, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу. По временам Маркс ложился на диван и читал роман, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Фильдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де-Кок, Чарльз Ливер, Александр

¹ Коббет Вильям (1762—1835) — английский натуралист, член английского парламента. — *Ред.*

² Кювье Жорж (1769—1832) — французский естествоиспытатель. — *Ред.*

Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пуритане» («Old Mortality») он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом. Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон-Кихоте» он видел эпос вымирающего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать критику его крупнейшего произведения «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Гимназия в Трире, в которой учился Карл Маркс с октября 1830 года по сентябрь 1835 года.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали от него также его дочери. Когда Марксу было уже пятьдесят лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь шесть месяцев настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать документы официальных обследований, документы, опубликование которых, в силу содержащихся в них ужасных разоблачений, правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха: это была математика, к которой он имел особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться, только погружаясь в математику. В это время душевных страданий он написал работу по исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам видевших ее специалистов, имеет большое научное значение и будет опубликована в собрании его сочинений. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы в течение своей жизни и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он в течение многих лет был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище

которого он ценил очень высоко. Даже противники его вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории, философии и по литературе всех стран.

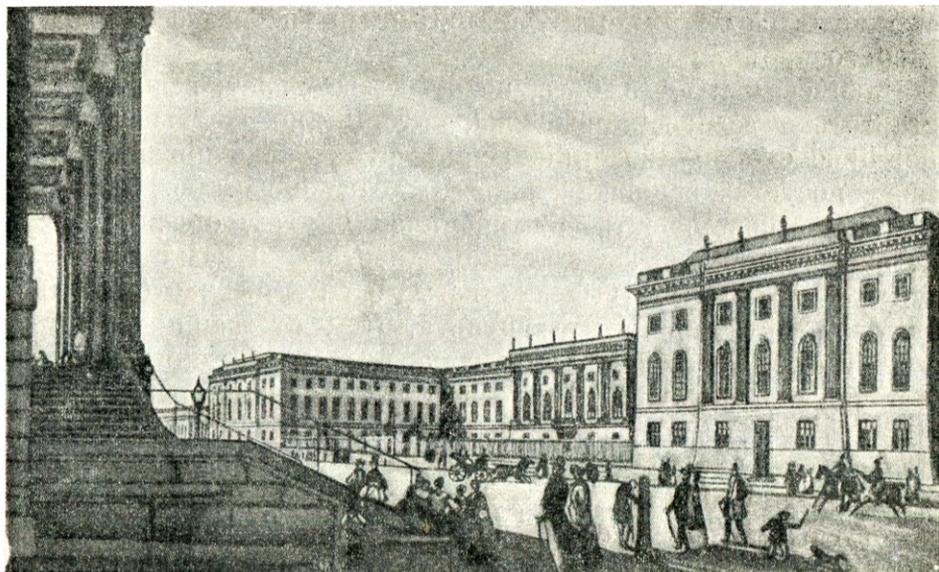
Хотя спать он ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, прочитывал газеты и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хемстед Хис, если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи. Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он не спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату. Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соленые кушанья — ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга. Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для него высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, учителя философии во время его юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба».

Организм его должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечий, с хорошо развитой грудью; он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у еврейской расы. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба: целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости.

Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что он обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать расхаживая и лишь время от времени останавливался, когда речь становилась особенно оживленной или разговор становился серьезным.

В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хемстед Хис; во время этих прогулок по лугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он тогда его писал. Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Коммуны мои бумаги в Париже и в Бордо подверглись со стороны полиции полному разграблению. Больше всего жалею я об утрате тех заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей к их общим материальным причинам. Я был этим прямо как будто ослеплен, и впечатление это оставалось во мне в течение долгих лет. Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, одну из величайших теорий вообще, до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий, и превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Его можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и всегда получался обстоятельный ответ,

Берлинский университет, в котором учился Карл Маркс с сентября 1836 года по март 1841 года.

какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления. Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал, но мне при этом представлялся случай наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же время все-таки трудно: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ней фактов и соображений; но благодаря как раз этой полноте исчерпывающее из-

ложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени.

Вико сказал: «Для бога, который все знает, всякая вещь есть только тело; для человека, который познает всего лишь внешнюю сторону явлений, вещь — это только поверхность». Маркс постигал вещи так, как это делал бог Вико. Он видел не только поверхность, он проникал внутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самоё по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир. И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкура жалуются на то, как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, о которой говорит Вико, — воспринятое ими впечатление. Их литературная работа — детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать. Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствии делал в ней изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль. Психологический этюд Бальзака «*Le chef-d'oeuvre inconnu*» («Неведомое произведение искусства»), который Золя так жалко слагивал, производил на Маркса глубокое впечатление, потому что в нем описаны отчасти такие же чувства, которые он сам переживал. В этом рассказе гениальный живописец, стараясь изобразить вещи именно так, как они отражаются в его уме, долго бьется над своим произведением и постоянно отделяет его, пока, наконец, не

ну за другой его тайны, существования которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к их производству и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую.

Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса, и тем не менее все почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет фактическую диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые лучшие авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до источника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в его библиотеке проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии обличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики. Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в «Капитале» так много, что можно, пожалуй, заподозрить, не делал ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую идею или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Его литературная совесть была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт,

в котором не был вполне уверен, но и ни разу не позволяя себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не опубликовывал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, недоработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что он однажды сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их неоконченными.

Вряд ли читатель даже представит себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистической формы производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти таких же сведущих, беспристрастных и смелых людей, как фабричные инспекторы Англии». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к «Капиталу».

И этот богатый фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, умели употреблять только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пульей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали Синие книги на вес, и это было самое разумное, что они могли сделать: это как раз и дало возможность Марксу дешево купить их у одного букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать его книги и старые бумаги. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки Синие книги и, пожалуй, даже

впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 года Энгельс почерпнул из Синих книг много документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии.

II

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или вечером по воскресеньям в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого ученого и полюбить его. В эти моменты он бывал самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, как кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, его черные глаза под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии.

Отец он был нежный, кроткий, снисходительный. «Дети должны воспитывать своих родителей», говорил он обычно. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а «Мавр», — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза коммунистов еще до 1848 года величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и тридцати лет.

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят. По воскресеньям дочери не позволяли ему работать, — он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по

Карл Маркс в 1863 году.

дороге заходили в простую корчму выпить имбирного пива и закусить хлебом и сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением. Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов¹. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, которого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из борьбы классов древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии, — последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было бы ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы — одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове.

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему подругой в самом истинном и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще детьми и выросли вместе. Марксу было не больше семнадцати лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать девять лет, пока они в 1843 году не обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей

¹ Гракхи, Тиберий (163—133 до н. э.) и Гай (153—121) — политические деятели древнего Рима. — *Ред.*

равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Рабочих в будничной рабочей одежде она приглашала садиться дома за свой стол с такой внимательной предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие, и я уверен — ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращении, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайльских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда — даже в дни самой жестокой нужды — не раскаивалась в том, что сделала.

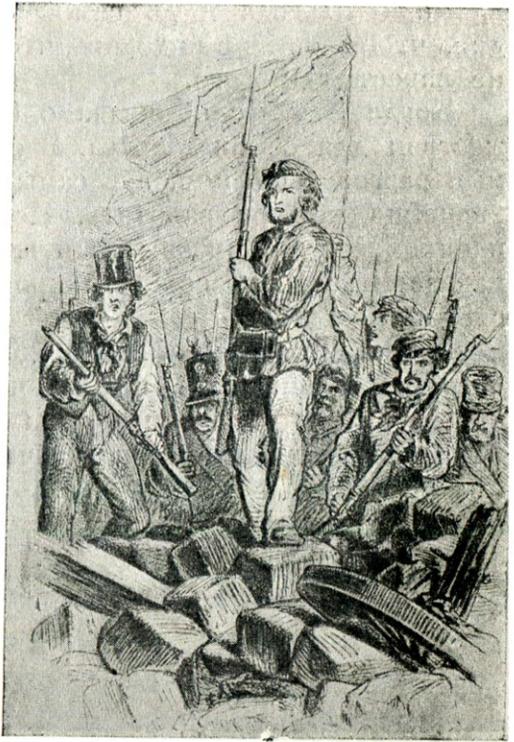
У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливающиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо было праздником. Иоганн-Филипп Беккер опубликовал большую часть ее писем к друзьям. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены. Во время пребывания четы Марксов в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 году) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 года, когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатах на Динстрит, около Сого-сквера (площади). Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 году я познакомился с Марксом, меньшая (Элеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой удивительный образец совершенных противополо-

ложностей во всех отношениях. Старшая (г-жа Лонге), подобно отцу, имела смуглый, здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая — средняя (г-жа Лафарг) — походила на мать: это была румяная блондинка с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилося заходящее солнце.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего немаловажную роль, — *Елену Демут*. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к г-же Маркс в качестве прислуги еще задолго до ее замужества. Елена не оставила г-жи Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркс, что для них совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и разделяла с ними их изгнание. Это был поистине добрый гений дома: она умела найтись в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не нуждалась, по крайней мере в самом необходимом. Она все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с г-жой Маркс. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом. Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Г-жа Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала. Привязанность Елены к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самой. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их — всю семью. Елена пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был *alter ego*¹ Маркса: долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут связаны навеки. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одной и той же революционной агитации и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе. Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых двадцать лет. Когда революция 1848 года была подавлена, Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне. Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: почти ежедневно переписывались они по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начи-

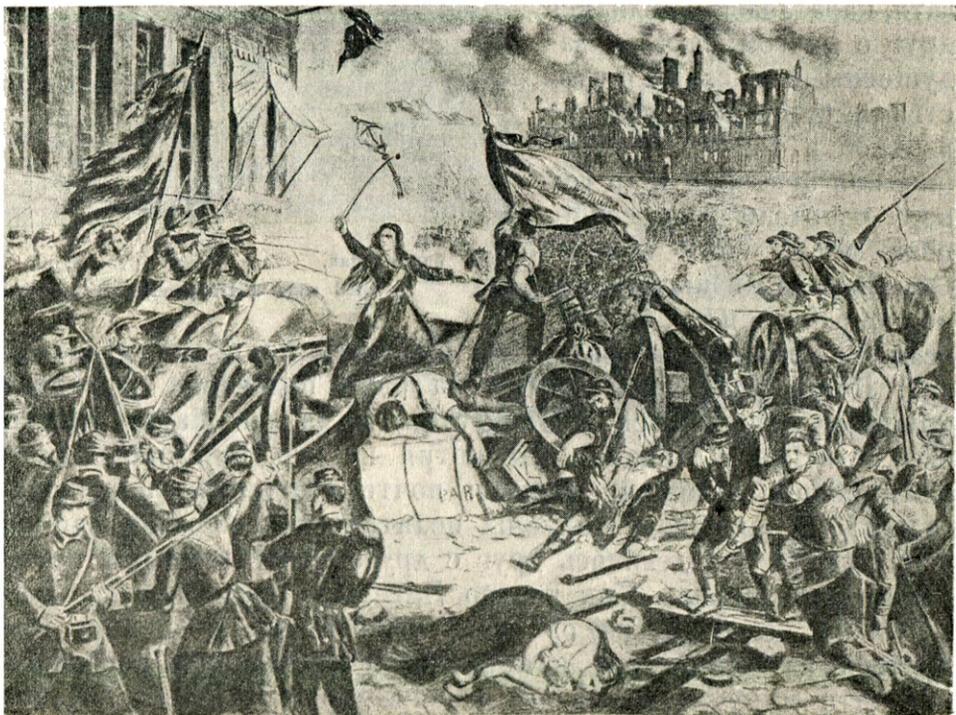
На баррикадах. (Февральская революция 1848 года в Париже.)

¹ Второе я. — Ред.

ная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы который-нибудь из друзей не навестил другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством для семьи Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком и вином, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было, потому что Энгельс был как раз тем человеком, которого он считал способным быть его сотрудником. Вся публика сосредотачивалась для него в Энгельсе.

Бой коммунаров с версальцами 24 мая 1871 года.

Для того чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые томы, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то,— теперь не припомню,— второстепенной важности вопросу из политической и религиозной войны альбигойцев. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением—это было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мною все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер. Он приходил в восторг от необыкновенной разносторонности его научных познаний. Каждая мелочь, касавшаяся его друга, беспокоила его. «Я постоянно дрожу,— говорил мне Маркс,— при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим».

Маркс был хорошим другом, так же как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких— жене, дочерях, Елене и Энгельсе— он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

III

Маркс начал свою общественную деятельность одним из вождей радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, он оказался покинутым, а когда он стал социалистом, прежние союзники объявили его своим врагом. Его травили, изгнали из Германии, стремились опорочить и оклеветать, и, наконец, против него лично и против его трудов составилась заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «18 брюмера» — работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом труде, несмотря на то, что это был

прямой ответ на злобу дня. Равным образом замолчали и «*Нищету философии*» — ответ на «Философию нищеты», так же как и «*К критике политической экономии*». Однако Интернационал и первый том «*Капитала*» разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти пятнадцать лет. Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел наполнила весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером. В Германии была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк ухаживал, прежде чем решился обрушить на нее репрессии. Лассальянец¹ Швейдер напечатал ряд статей, которые Маркс считал достойными внимания и которые знакомили рабочую публику с содержанием «*Капитала*». По предложению И.-Ф. Беккера, конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «*Капитал*» рекомендуется вниманию интернациональных социалистов как библия рабочего класса.

После восстания 18 марта 1871 года, в котором хотели видеть руку Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным. Маркс был теперь признан крупнейшим теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «*Капитал*» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты популяризовали его научные теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из этой книги распространяли в форме прокламаций, для того чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований. «*Капитал*» был переведен почти на все европейские языки: на русский, французский, английский, а отрывки из «*Капитала*» появились на немецком, итальянском, французском, испанском и голландском языках. И каждый раз, когда в Европе

¹ Лассальянцы — последователи немецкого социалиста Фердинанда Лассалья, допускавшего возможность мирного перехода к социалистическому строю. Маркс вел решительную борьбу с лассальянцами. — *Ред.*

Последний бой коммунаров.

или Америке противники теории Маркса делали попытку опровергнуть его положения, экономисты немедленно находили социалистический ответ, который затыкал им рот. «*Капитал*» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, именно *библией рабочего класса*.

Однако горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, отнимало время от его научной деятельности, а смерть жены и старшей дочери, г-жи Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Он любовался и гордился красотой жены. Она, с ее кротким, мягким нравом, облегчала ему его жизнь революционного социалиста, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями. Эти лишения уложили в гроб г-жу Маркс; они же сократили жизнь ее мужа. За время ее долгой мучитель-

ной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха истомили Маркса и нравственно и физически. Он вскоре схватил воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Г-жа Маркс как жила, так и умерла, верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она в 1881 году, 2 декабря. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: «Карл, силы мои сломлены». Это были ее последние внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгейтском кладбище, в отделении для «отверженных» — un consecrated ground (в неосвященной земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс, о дне погребения не разглашали; только немногие, самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем как разойтись, старинный друг Марксов, Энгельс, произнес над могилой следующую речь:

«Друзья мои! Женщина прекрасной души, которую мы сейчас схоронили, родилась в Зальцведеде в 1814 году. Отец ее, барон фон-Вестфален, вскоре после ее рождения был переведен в Трир с чином правительственного советника и очень подружился там с семейством Маркса. Дети росли вместе.

Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, их судьба была уже решена. Свадьба состоялась в 1843 году, вскоре после запрещения «Рейнской газеты», некоторое время редактировавшейся Марксом. С этих пор Женни Маркс не только разделяла судьбу мужа, но с полной сознательностью, с горячей преданностью участвовала в его научной и общественной борьбе.

Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое очень быстро превратилось в настоящее изгнание: прусское правительство преследовало Маркса также и там. С сожалением должен я здесь отметить, что даже такой человек, как Александр Гумбольдт¹, приложил все старания, чтобы добиться приказа о высылке Маркса. Семья принуж-

¹ Гумбольдт Александр (1769—1859) — знаменитый естествоиспытатель и путешественник. — *Ред.*

Захватив Париж, версальцы расстреляли 40 000 безоружных мужчин, женщин и детей.

дена была уехать в Брюссель. Настала февральская революция. Во время волнений, возникших в связи с нею в Брюсселе, бельгийское правительство не только арестовало Маркса, но не церемонилось засадить в тюрьму и его жену без всякого к тому повода.

Революционный подъем 1848 года уже на следующий год сошел на-нет. Новое изгнание: сначала в Париж, затем в Лондон — вследствие преследований со стороны французского правительства. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием со всеми его ужасами. Материальные лишения, под влиянием которых сошли в могилу двое ее мальчиков и девочка, — это она еще могла снести; но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией во всех ее фракциях, от либеральных до демократических, составило громадный заговор против ее мужа, когда они закидали Маркса

самой подлой, самой гнусной клеветой, когда вся пресса оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана, когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих противников, которых он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. И это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился такого положения, что мог до известной степени самостоятельно действовать. Образовался Интернационал. Классовая борьба пролетариата перебралась из одной страны в другую, а ее муж был самым первым среди передовых бойцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до момента, когда все инсинуации, градом сыпавшиеся на голову Маркса, рассеялись, как мякина от ветра, когда его учение, которое все реакционные партии, от феодалов до демократов, старались всеми силами утаить, стало открыто проповедываться во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир — от России до Америки — и, несмотря ни на какое сопротивление, стало пробиваться вперед, все более и более уверенное в победе.

Одной из последних радостей, которые пришлось пережить Женни Маркс, было очевидное доказательство несокрушимой, железной силы, которую проявили немецкие рабочие во время последних выборов в рейхстаг.

Что эта женщина, с ее острым, критическим умом, с ее политическим тактом, с ее энергией и пылкостью, была преданнейшим товарищем среди своих единомышленников в продолжение почти сорока лет, — об этом никто не говорил, об этом вы не найдете ни слова в летописях современной прессы; надо было самому быть свидетелем всего этого. Но я уверен, что ее будут часто вспоминать жены многих изгнанников, а тем более наш брат будет чувствовать, как нам недостает ее смелых и разумных советов — смелых без хвастовства, благоразумных, но никогда не роняющих человеческого достоинства.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают ее и не забудут. Как раз именно она была такой женщиной, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других».

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом физических и нравственных страданий, которые он переносил с твердостью и которые еще обострились, когда год спустя внезапно умерла его старшая дочь, г-жа Лонге. Он был разбит и уже не поправлялся. Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 года, на шестьдесят шестом году жизни.

В. Либкнехт

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАРКСЕ ¹

1. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, бывшими в то время в возрасте шести и семи лет, началась несколько дней спустя после того, как я летом 1850 года из Швейцарии, точнее, из одной из тюрем «свободной Швейцарии», приехал с проходным свидетельством в кармане через Францию в Лондон. Я встретил семью Маркса на летнем празднике Коммунистического просветительного рабочего союза — не помню, где именно: в Гринвиче или в Хэмптон Корт, — в окрестностях Лондона. «Папаша Маркс», которого я увидел впервые, тотчас же подверг меня строгому экзамену: пристально посмотрел мне в глаза и довольно подробно освидетельствовал мою голову. К этой операции меня уже приучил друг Густав Струве, который с особенным удовольствием избирал меня жертвой своих френологических занятий, так как упорно сомневался в моих «нравственных устоях». Впрочем, экзамен сошел благополучно: я выдержал взгляд этого человека с головою льва и иссиня-черной львиной гривой. Экзамен превратился в оживленную веселую болтовню, и вскоре мы очутились в самом центре

¹ Либкнехт Вильгельм (1826—1900) — один из вождей и основателей германской социал-демократической партии. Здесь печатаются отрывки из его воспоминаний о Марксе, опубликованные в 1896 году. — *Ред.*

ликующей праздничной толпы — Маркс был при этом одним из самых оживленных, — где я тотчас же познакомился с г-жой Маркс, с Ленхен, верной их помощницей с юных лет, и с детьми.

С того дня я стал у Маркса своим человеком и бывал у них каждый день. Они жили тогда на Динстрите, одной из боковых улиц Оксфордстрита, а я устроился по соседству, на Черчстрите.

2. ПЕРВАЯ БЕСЕДА

Первая моя продолжительная беседа с Марксом состоялась на следующий день после нашей встречи на загородном празднике Коммунистического просветительного рабочего союза. Там, конечно, не было возможности серьезно разговаривать, и Маркс пригласил меня на следующий день в помещение союза, куда должен был притти и Энгельс. Я явился несколько ранее условленного часа; Маркса еще не было, я встретил нескольких старых знакомых и увлекся оживленной беседой с ними, когда Маркс, хлопнув меня по плечу, дружески со мной поздоровался, сказавши, что Энгельс в приемной, где нам будет спокойнее. Я не знал, что такое приемная, и мне почудилось, что сейчас именно и начнется «главный» экзамен; однако я доверчиво последовал за Марксом. Маркс, который произвел на меня такое же симпатичное впечатление, как и накануне, обладал способностью внушать доверие. Подхватив меня под руку, он повел меня в приемную, где Энгельс, уже запасшийся кружкой темного пива, встретил меня веселыми шутками. Мигом мы заказали Эми, проворной кельнерше, «матерьял» для выпивки, а также для еды, — у нас, эмигрантов, желудочный вопрос играл важную роль, — мигом появилось шво, и мы уселись — я по одну сторону стола, а Маркс и Энгельс против меня. Массивный стол из красного дерева, блестящие оловянные кружки, пенящееся пиво, предвкушение настоящего английского ростбифа с гарниром, длинные глиняные трубки, так и манившие закурить, — все это создавало такую уютную обстановку, что я невольно вспомнил картинку из английских иллюстраций к Диккенсу. Но *экзамен* все-таки

предстоял! Ну, что ж, как-нибудь вылезу! Разговор оживлялся все больше...

До моей встречи с Энгельсом в Женеве, за год до того, мне ни с ним, ни с Марксом не пришлось общаться лично. Из трудов Маркса я читал только его статьи в парижских «Ежегодниках» и «Нищету философии», а из сочинений Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии»; «Коммунистический манифест» я, будучи коммунистом с 1846 года, достал лишь незадолго до моей встречи с Энгельсом, после кампании за имперскую конституцию, хотя я, конечно, слышал о нем и раньше и знал его содержание. «Новую Рейнскую газету» мне удавалось видеть лишь изредка; в течение одиннадцати месяцев ее существования я находился либо за границей, либо в тюрьме, либо в хаотических условиях бурной жизни инсургента. Оба моих экзаминатора подозревали меня в мелкобуржуазном «демократизме» и «южногерманской сентиментальности». Многие из моих суждений о людях и вещах подверглись очень резкой критике... Но, в общем, экзамен сошел благополучно, и разговор постепенно перешел и на другие темы. Вскоре мы коснулись *естествознания*, и Маркс издевался над победоносной реакцией в Европе, которая воображает, что революция задушена, и не догадывается, что естествознание подготавливает новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила — *электрическая искра*. Тут Маркс с необычайным воодушевлением рассказал мне, что несколько дней назад на Риджент-стрите была выставлена модель электрической машины, везущей железнодорожный поезд. «Теперь задача разрешена, и последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой». В том, как Маркс говорил об этом достижении науки и механики, все его мировоззрение, особенно так называемое ныне *материалистическое понимание истории*, выступило с такою ясностью, что немногие сомнения, еще остававшиеся у меня, рассеялись, как дым. В тот вечер я не попал домой, — мы говорили, смеялись и пили до позднего утра, и солнце стояло уже

высоко на небе, когда я улегся в постель. Но долго я не пролежал; я никак не мог уснуть: голова была слишком полна всем тем, что я слышал. Неугомонный рой мыслей выгнал меня опять на улицу. Я поспешил на Риджентстрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуазное общество в самоубийственном ослеплении, как некогда троянцы и троянки, ликуя вводило в свой Илион и который нес ему с собой верную гибель.

Густая толпа народа указала мне витрину, в которой выставлена была модель. Я протискался вперед, и действительно — за стеклом проворно бегал паровоз с вагонами.

Это было в 1850 году, в начале июля...

3. МАРКС — УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«Мавр», который, будучи старше нас всего на пять-шесть лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста, пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь «студенту» щекотливый вопрос, он тут же, на нем — *in corpore vili* — доказывал всю ничтожность наших университетов и академического образования.

Но он также *воспитывал*, и воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком, и в более широком, что *он был моим учителем*. И ему нужно было подчиняться во *всех* областях. О политической экономии я уж не говорю: в папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Союзе коммунистов я скажу ниже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля¹ или Эсхила², в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал

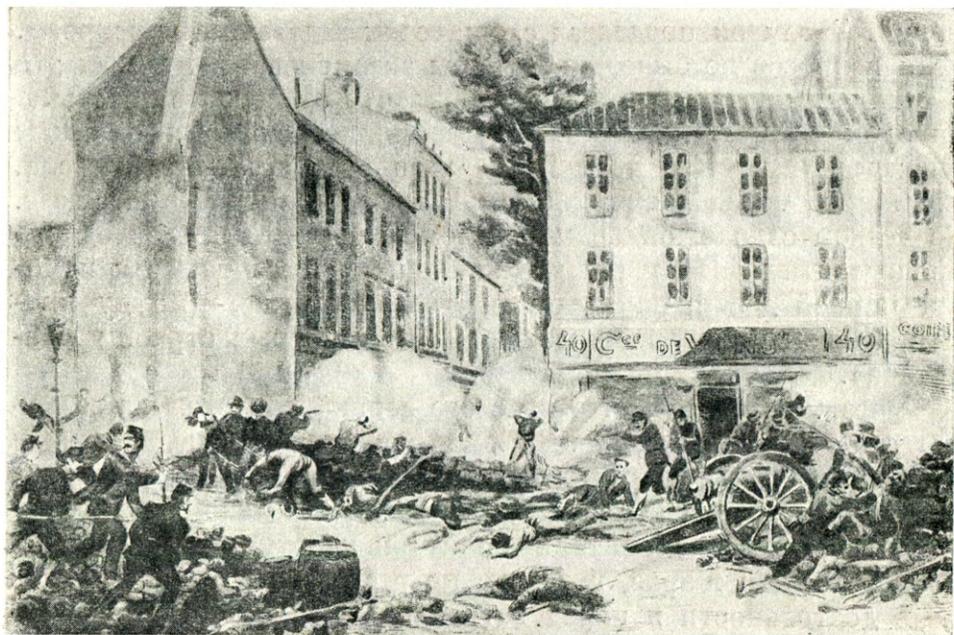
¹ Аристотель (384—322 до н. э.) — величайший ученый и философ древней Греции, по характеристике Карла Маркса «Гегель античного мира». — *Ред.*

² Эсхил (525—456 до н. э.) — один из творцов древнегреческой трагедии, автор знаменитой трагедии «Прикованный Прометей».

меня однажды за то, что я не знаю... *испанского языка!* Мигом извлек он из груди книг «Дон-Кихота» и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании, — он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку. Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги — до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз, — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «Нью-Йоркской трибуны» написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты», — на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений. Так как Маркс понимал *существо* языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский, а во время крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не состоялось. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память. — а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже нетрудно.

В 1850 и 1851 годах Маркс прочел *курс лекций по политической экономии*. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился, наконец, выступи-

Уличный бой. (Парижская коммуна 1871 года.)

нить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже полностью развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «Капитале». В переполненном зале Коммунистического просветительного рабочего союза, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилстрите, — в том же зале, где полтора года назад был принят «Коммунистический манифест», — Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярким противником *вульгаризации*, то есть фальсификации и опошления, науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражаться. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму.

Маркс преподавал методически: он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более или менее пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выра-

жений. Затем он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать, и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение. Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции еще в *Брюссельском* рабочем союзе. Во всяком случае, он обладал всеми данными превосходного преподавателя. Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы, — между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистический союз проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, союз сжался и принял несколько сектантский характер, — старые вейтлингианцы¹ и кабетисты² снова подняли голову, и Маркс, которого не удовлетворяло такое узкое поле деятельности и перед которым стояли более важные задачи, чем выметание старого сора, отстранился от союза...

Пуризм Маркса в вопросах языка и стиля (см. об этом ниже) доходил иной раз до педантичности. Мой верхнегессенский диалект, который от меня — или от которого я — упорно не хотел отвязаться, стоил мне бесчисленных выговоров. Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя *учителем* по отношению к нам, «молодежи».

Это проявлялось, конечно, и в другом виде. Он был *очень* требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы. Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия бесплодны, то и дружбе приходил конец. *Мы почитали за честь* быть под его «муштрой». Никогда мои свидания

¹ Вейтлингианцы — последователи немецкого социалиста Вильгельма Вейтлинга. — *Ред.*

² Кабетисты — последователи французского социалиста Кабе, основателя социалистической колонии в Америке. — *Ред.*

с ним не проходили без того, чтобы я не научился чему-нибудь...

В те времена лишь ничтожное меньшинство, даже внутри рабочего класса, доросло до социализма, а среди самих социалистов социалисты в духе научной теории Маркса, в духе «Коммунистического манифеста», были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для движения 1848 года, с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, популярность были для Маркса доказательством, что

человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой были гордые слова Данте: «Sequi il tuo corso e lascia dir le genti» («Иди своим путем, и пусть люди говорят что угодно»).

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к «Капиталу»! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам, укусам комаров и клопов, и как часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторон, терзаемый заботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной тиши оттачивал оружие, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразерами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами,— как часто он в уединении своего бедного, истинно пролетарского каби-

Национальные гвардейцы Парижской коммуны.

нета подбадривал себя словами великого флорентинца, черная в них свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из «Тысячи и одной ночи», потерявшему победу и награду за нее только потому, что он стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя, — Маркс шел вперед, устремив взор к сияющей впереди цели. Его не смущало то, что «говорят люди», и если бы «земной шар рухнул и обратился в развалины», то и это не остановило бы его на его пути...

Если он ненавидел популярность, то погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К краснобоям он испытывал омерзение, и горе тому, кто в его присутствии отделился фразами! Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он лорывал навсегда.

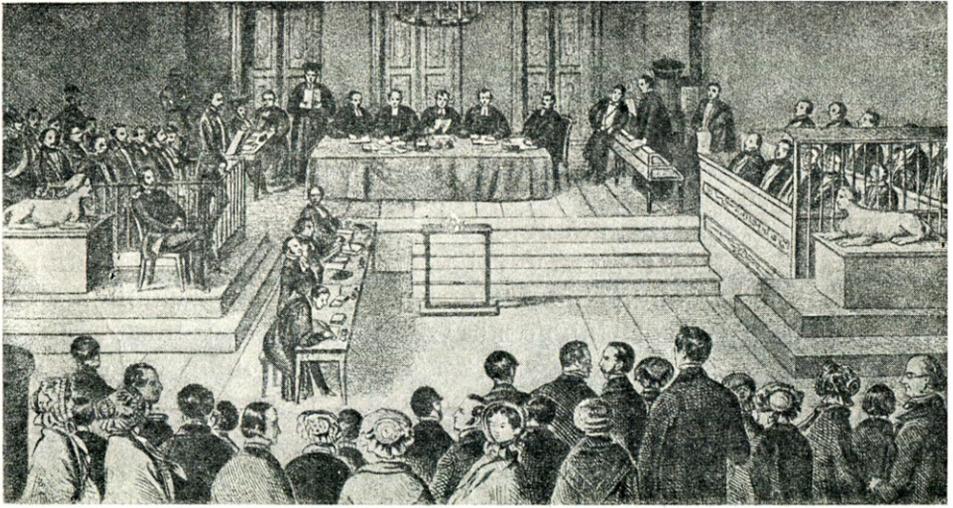
«Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль», внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас. *Учи́ться! Учи́ться!* Таков был категорический императив¹, который он часто высказывал нам вслух, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума.

В то время как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начнется!» — мы, «серная банда», «бандиты», «подонки человечества», сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не мешало нам идти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома, — если у кого вообще существовал «дом» или «домашний очаг».

¹ Категорический императив — нравственный закон. — *Ред.*

Процесс коммунистов в суде присяжных в Кёльне в октябре 1852 года.

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учимся.

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к *самокритике*, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки.

4. СТИЛЬ МАРКСА

Существует мнение, что у Маркса не было «стиля» — или был очень плохой стиль. Так говорят люди, не понимающие, что такое стиль, краснобаи и фразеры, которые не поняли и неспособны понять Маркса, неспособны следовать за полетом его мысли, подниматься вместе с ним на высочайшие вершины познания и страсти и опускаться в глубочайшую бездну человеческой нищеты и отверженности. Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона: «*Стиль — это*

человек», то именно к Марксу: *стиль Маркса—это Маркс*. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом завоеванные, ставшие ему дорогими теории, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих книгах показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, incapable к притворству и позе, он всегда был *самим собой* и в своих произведениях, как и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «18 брюмера» и Маркс — создатель «Господина Фогта» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии это *один* Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство большой личности, которая разное проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же. Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легок излагаемый в нем предмет? Стиль не только человек, он и *материал* — он должен приспособляться к материалу. «There is no royal road to science» — «К науке нет торной дороги», тут каждый должен напрягаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на трудный, с трудом усваиваемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только признать собственную лень и неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что «18 брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копьё, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова «18 брюмера» — стрелы и копьё, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «18 брюмера», в котором соединились негодующая суровость Тацита¹, убийственная шутка Ювенала² и священ-

¹ Тацит (около 55—120) — римский историк. — *Ред.*

² Ювенал (около 60—140) — римский сатирик, бичевавший распущенные нравы своего времени. — *Ред.*

ный гнев Данте. Здесь стиль становится *stilus*, то есть тем, чем он был в руках римлян, — *острым стальным острием*, которое пишет и *коллет*. Стиль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце.

А в «Господине Фогте» — этот ликующий юмор, эта напоминающая Шекспира радость оттого, что найден Фальстаф и в его лице — неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Но не буду останавливаться дольше на стиле Маркса. Стиль Маркса — это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и отчетливость выражения. Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедневно, он считал своими учителями в области слова.

В отношении чистоты и правильности языка он был щепетильно добросовестен.

Я помню, как он отчитал меня однажды (в первое время моего пребывания в Лондоне) за то, что я в одной из своих статей написал «*stattgehabte Versammlung*»¹ (собрание). Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Маркс разразился: «Жалкие немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку, жалкие немецкие университеты...» и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил «*stattgehabte*» или «*stattgefundenere Ereignisse*» (события), да и еще кое-кого отучил от этого...

Маркс был строгим пуристом; нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял, — там, где предмет этого и не требовал, — то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии... Но какое огромное количество оригинальных, подлинно немецких выражений и словообразо-

¹ Неправильно построенная фраза, означающая: «имевшее место собрание». — *Ред.*

ваний находим мы у Маркса, который, несмотря на то, что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед немецким языком и принадлежит к крупнейшим мастерам и творцам немецкой прозы...

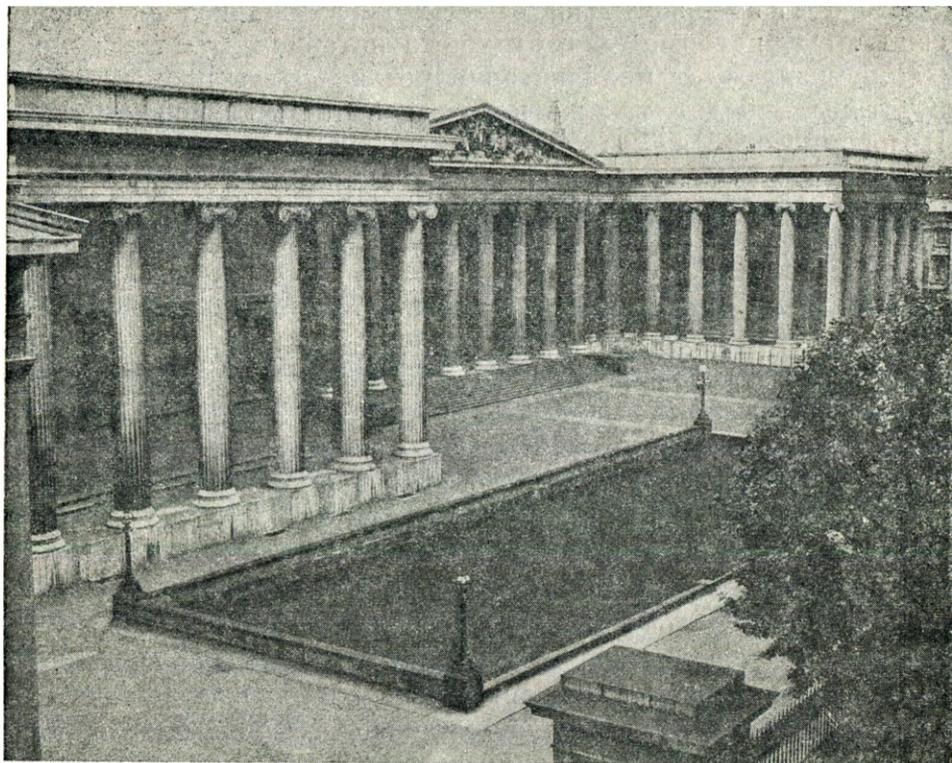
5. МАРКС КАК ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Маркс относился к политике, как к науке. Кабацких политиканов и кабацкое политиканство он смертельно ненавидел. И действительно, можно ли представить себе что-либо более бессмысленное? *История* есть продукт всех действующих в людях и в природе сил и человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же как *теория* есть познание этих миллионов и миллиардов «ткущих на станке времени» факторов, а как *практика* — обусловленное этим познанием *действие*. Политика есть, таким образом, *наука*, и притом *прикладная*...

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонными фразами объясняют все явления и, принимая свои более или менее путанные желания и представления за факты, вершат судьбы мира за ресторанными столиками, в редакциях газет или на народных собраниях и в парламентах. К счастью, никто не обращает на них внимания. Среди таких «пустомелей» оказывались иногда и очень знаменитые, прославленные «великие люди».

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий пример: в своих работах о новейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте, а также в своих письмах в «Нью-Йоркскую трибуну» он дал классические образцы произведений по политической истории.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем «18 брюмера», послужил также темой для одного прославленного произведения *Виктора Гюго*, величайшего из французских романтиков и художников слова. Но какой контраст между двумя этими произведениями и двумя авторами! Там — гиперболическая фраза и фразерская гипер-

Британский музей (Лондон).

бола, здесь — методически подобранные факты, человек науки, хладнокровно их взвешивающий, и политик — гневный, но в гневе своем не теряющий рассудительности.

Там — поверхностная, переливчатая пена, вспышки патетической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово — метко пущенная стрела, каждая фраза — тяжелое, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непреодолимая в своей наготе, — не негодование, а лишь констатирование, пригвождение того, что есть. «Napoléon le Petit» («Наполеон Малый») Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий и ныне забыт. «18 брюмера» Маркса с восхищением будут читать и через тысячи лет. «Наполеон Малый»

Виктора Гюго — пасквиль, «18 брюмера» Маркса — исторический труд, который для будущего историка культуры, — а в будущем не будет иной истории человечества, кроме истории культуры, — будет так же необходим, как для нас «История Пелопоннесской войны» Фукидида¹.

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, чем он был, только в *Англии*. В такой экономически отсталой стране, какой еще была Германия до середины этого столетия, Маркс точно так же не мог притти к своей критике буржуазной экономики и к постижению капиталистического процесса производства, как в экономически отсталой Германии не могли существовать политические учреждения экономически развитой Англии.

Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он не стал бы тем, что он есть. Это он сам доказал лучше, чем кто бы то ни было.

Наблюдать такой ум, следить за тем, как он испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже проникает в существо общества, — уже само по себе величайшее духовное наслаждение, и я не перестаю благодарить счастливый случай, приведший меня, молодого, неопытного, любознательного юнца, к Марксу, под его влияние и руководство.

При многосторонности, — я сказал бы даже всесторонности, — этого универсального ума, то есть ума, охватывающего всю вселенную, проникающего во все детали, ничем не пренебрегающего и ничего не считающего несущественным или незначительным, — конечно, и его руководство также должно было быть многосторонним.

Маркс был одним из первых, кто понял все значение исследований *Дарвина*. Еще до 1859 года, года появления в свет «*Origin of Species*» («Происхождение видов»), бывшего, по странному совпадению, также и годом опубликования «К критике политической экономии», Маркс оценил огромное значение Дарвина, который вдали от шума и суеты большого города,

¹ Фукидид (около 460 — около 399 до н. э.) — греческий историк, участник Пелопоннесской войны. — *Ред.*

в своем тихом имени, подготавливал такую же революцию, какую *сам Маркс* готовил в многошумном центре мира, — с той только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особенно в области естествознания — включая физику и химию — и истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либиха, Гексли, «популярные лекции» которых мы добросовестно посещали, повторялись в нашем кругу так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита¹, Мак-Келлоха и шотландских и итальянских экономистов. Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд общественности, мы целыми месяцами не говорили ни о чем другом, кроме как о Дарвине и революционной силе его открытий. Я останавливаюсь на этом потому, что наши «радикальные» враги распустили слух, будто Маркс, из своего рода ревности, очень неохотно и в очень ограниченной мере признавал заслуги Дарвина.

Там, где требовалось признать чужие заслуги, Маркс был самым великодушным и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Но зато фальшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как всякую фальшь и ложь.

Среди известных мне людей — великих, малых и средних — Маркс был один из немногих, совершенно лишенный всякого тщеславия. Он был для этого слишком велик и слишком силен — да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться.

Кроме тех случаев, когда этому препятствовали соображения общественного или политического порядка, он всегда высказывал свои мысли и чувства полностью, не считаясь ни с чем. Когда же обстоятельства требовали сдержанности, он проявлял такую чуть ли не детскую неловкость, что часто забавлял этим своих друзей.

¹ Рикардо Давид (1772—1823) и Смит Адам (1723—1790) — знаменитые английские экономисты. — *Ред.*

Маркс был исключительно правдивым человеком, это была воплощенная правда. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В нашем «цивилизованном» обществе с его перманентным военным положением не всегда, конечно, можно говорить правду, — это значило бы отдаться в руки врага или обречь себя на изгнание из общественной жизни. Но если не всегда можно говорить правду, то отсюда еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит, что я должен или обязан говорить то, чего я *не* чувствую и *не* думаю. Первое — это благоразумие, второе — лицемерие. Маркс никогда не лицемерил. Он был просто неспособен на это, так же как неспособно на это невинное дитя. «Мое большое дитя», часто называла его жена, а лучше *ее* никто не знал и не понимал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в обществе — в кавычках, — в котором придавалось значение внешним манерам и приходилось себя сдерживать, наш Мавр в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и краснеть, как *маленький* ребенок.

Актерствующие люди были ему глубоко противны. Я вспоминаю, как он, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с *Луи Бланом*¹.

Это было еще на Динстрите в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, приемная, служила гостиной и рабочим кабинетом, а вторая — для всего остального. Луи Блан представился Ленхен, проводившей его в первую комнату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался; соединявшая обе комнаты дверь осталась приоткрытой, и через щель Маркс мог наблюдать забавную сценку.

Великий историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетнего мальчишки, но при этом оказался невероятным щеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он нашел в одном углу крайне примитивное зеркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост, — он носил такие высокие каб-

¹ Блан Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист; в революции 1848 года член временного правительства. — *Ред.*

луки, каких мне в жизни не приходилось видеть, — с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Г-жа Маркс, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, и фатоватый трибун, отступив от зеркала, приветствовал входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре «маленький Луи» — как называли его парижские рабочие в отличие от Луи Бонапарта — стал вести себя настолько естественно, насколько вообще был на это способен...

6. МАРКС ЗА РАБОТОЙ

«Гений — это прилежание», сказал кто-то; если это и не совсем так, то, во всяком случае, в значительной степени верно.

Не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности. Так называемый гений, которому чуждо и то и другое, — это лишь красивый мыльный пузырь или вексель на будущие блага где-то на луне. Но там, где налицо выходящая из ряда вон энергия и работоспособность, там и гений. Я знал многих людей, которые сами считали себя гениями и слыли таковыми в своей среде, но которые не обладали работоспособностью, и на деле они оказывались лишь бездельниками, одаренными красноречием и талантом создавать рекламу. Все действительно крупные люди, которых мне довелось узнать, были очень прилежны и усердно трудились. Это в полной мере относится и к Марксу. Он работал необычайно много, и так как днем — в особенности в первое время его эмигрантской жизни — ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал

работать почти всю ночь напролет, а утром ложился спать. Его жена не раз серьезно выговаривала ему за это, но он, смеясь, отвечал, что это вполне соответствует его натуре. Я лично еще в гимназии привык самую трудную работу откладывать на вечер или на ночь, когда чувствовал наибольший подъем умственной деятельности, поэтому я смотрел на это иначе, чем г-жа Маркс. Но права была она. Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце пятидесятих годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое *запрещение работать по ночам* и было предписано *much exercise*, то есть как можно больше движения, прогулки пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, преимущественно в холмистой северной части. Вскоре Маркс стал поправляться; его организм был действительно как бы создан для большого напряжения. Но едва он почувствовал себя здоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни, — однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состоянием. Кризисы все усиливались, развилась болезнь печени, появились злокачественные нарывы, — и постепенно железный организм надломился. Я убежден — и таково же мнение лечивших его под конец врачей, — что если бы Маркс мог решиться вести нормальную жизнь, то есть жизнь, отвечающую требованиям его организма или, скажем, соответствующую требованиям гигиены, он жил бы еще и поныне. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздно, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше он стал работать днем. Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собою свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Можно работать и работать. Он работал всегда интенсивно, всегда с величайшей основательностью. Его дочь Элеонора подарила мне одну историческую таблицу, которую он набросал для себя, чтобы воспользоваться ею для какого-то второстепенного примечания.

Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им лично для себя, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

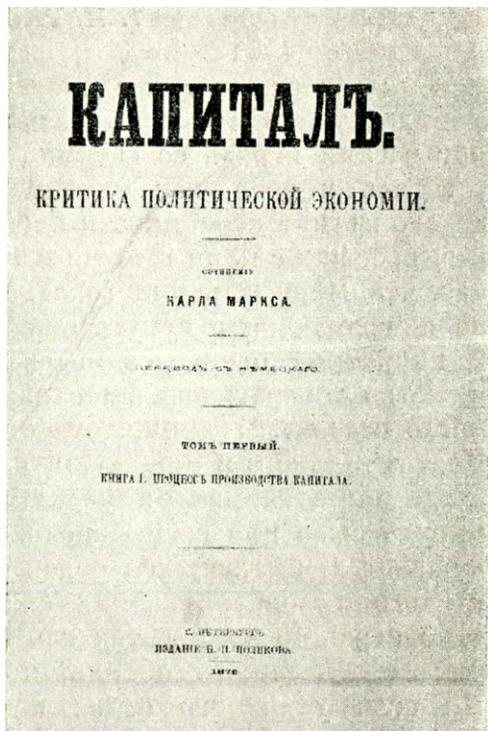
Маркс работал с выдержкой, часто приводившей меня в изумление. Он не знал усталости. И даже тогда, когда его организм неизбежно должен был надломиться, он не выказывал признаков слабости.

Если судить о ценности человека по сделанной им работе, — как стоимость вещей определяется количеством вложенного в них труда, — то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие среди гигантов духа могут равняться с ним.

Чем же *буржуазное общество* возместило это невероятное количество труда?

Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низко оплачиваемый поденщик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «*гонорара*» за одно из двух величайших научных творений нашего века. Второе — это труды Дарвина.

«Наука» не имеет рыночной стоимости, и можно ли требовать от буржуазного общества, чтобы оно за *свой собственный смертный приговор* заплатило приличную цену?..

Титульный лист бессмертного произведения Карла Маркса «Капитал», вышедшего в России в 1872 году.

7. МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребенок, — его притягивали к себе, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и несчастные. Сотни раз, посещая с нами квартиры бедняков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или полпенни. К нищим он относился недоверчиво, так как в Лондоне нищенство превратилось в настоящее ремесло, и, вдобавок, в ремесло с золотым дном, хотя оно и приносит только медяки. Поэтому нищим и нищенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подаении, — если только у него что-нибудь было при себе, — недолго удавалось его дурачить. На некоторых, пытавшихся обложить его данью посредством искусного демонстрирования фиктивной болезни и нужды, он даже страшно злился, так как считал эксплуатацию человеческого сострадания особенной низостью и ограблением бедноты. Но если у нищего сидел на руках плачущий *ребенок*, то тут уж дело Маркса было бесповоротно проиграно, как бы ясно ни было написано на лице нищего все его плутовство. Перед умоляющими детскими глазками он не мог устоять.

Физическая слабость и беспомощность всегда возбуждали в нем живейшее сочувствие и жалость. Мужа, бьющего свою жену, — а в Лондоне в те времена *wifebeating* (битье жен) было очень распространено, — он с наслаждением дал бы избить до полусмерти. Из-за своего порывистого характера он в таких случаях часто ставил нас в неловкое положение. Однажды вечером мы ехали с ним на империале омнибуса в Хемстед Род. На одной из остановок, около какой-то пивной, мы заметили свалку; отчаянный женский голос вопил: «Murder! Murder!» («Убивают! На помощь!») Маркс с быстротою молнии соскочил с омнибуса, я — за ним. Я хотел его удержать, — с таким же успехом я мог бы попытаться поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще народа: людские волны сомкнулись позади нас. Что случилось? Это мы

узнали очень скоро. Какая-то пьяная женщина повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила, как одержимая. Для нашего вмешательства не было ни малейшего повода, — это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все тесней и уже стала с угрожающим видом наступать на «damned foreigners» («проклятых иностранцев»). Женщина особенно яростно наскакивала на Маркса и явно покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы во-время не подоспели два дюжих констебля, нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, когда выбрались целыми из толпы и снова уселись в омнибус, который и доставил нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожнее с такими попытками вмешательства.

Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевность и всю детскость этого героя науки. В свободные минуты или на прогулках он бегал с ними, играл в самые шумные веселые игры, — словом, сам становился ребенком. В Хемстед Хисе мы играли иногда в «кавалерию»: Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я брал другую, и начинались скачки вперегонки. Иной раз устраивались даже кавалерийские битвы: девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало.

Для Маркса общество детей было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался. Когда собственные его дети выросли, а некоторые умерли, их место заняли внуки. Женничка, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонге, оживила дом Маркса своими сыновьями — страшными проказниками. В особенности старший, Жан, или Джонни, был любимцем дедушки. Джонни мог делать с ним все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонни, которого родители прислали из Парижа, — что случалось по несколько раз в год, — пришла в голову остроумная идея превратить Мавра в *омнибус*, на козлы которого, то есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и

я были произведены в лошадей. Когда мы как следует вирились, началась дикая скачка, — я хотел сказать: началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса на Мейтленд-парк-род. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, в Риджентс-парке; лондонские коттеджи так похожи друг на друга, что их очень легко перепутать, а садики тем более. Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «черного снега», то есть хлопьями копти, что невозможно отличить, где начинается *гравий* и кончается *трава*, — вот что такое лондонский «сад». Джонни принялся нас подгонять, понукая международными немецко-французско-английскими выкриками: «Go on! Plus vite! Ура!» Мавр скакал так, что пот градом катился по его лицу, а когда Энгельс или я пытались перейти на более медленный темп, на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного кучера: «You naughty horse!» («Эй, ленивая лошадь!») «En avant!» («Вперед!») Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбыл из сил. Тогда мы вступили с Джонни в переговоры, и было заключено перемирие...

8. ЛЕНХЕН

С первых же дней возникновения семьи Маркс Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой дома и — в лучшем, благороднейшем смысле слова — человеком на все руки. Чего только она не делала! И все делала с радостью! Я напому лишь о ее неоднократных визитах к таинственному, всем ненавистному и все-таки всем необходимому благодетелю — «дяде».¹ И при этом она всегда была бодрa, всегда готова всем помочь, всегда улыбалась. Впрочем, нет! Она умела и сердиться, а к врагам Мавра она питала жгучую ненависть.

Когда г-жа Маркс заболела или плохо себя чувствовала, Ленхен заменяла мать, да и вообще она была для детей второй матерью. И она обладала *волей* — сильной, твердой *волей*. Все делалось так, как она считала нужным.

¹ То есть в ломбард. — Ред.

Ленхен, как я уже сказал, была своего рода диктатором; выражаясь точнее, Ленхен была диктатором в доме, а г-жа Маркс — властительницей. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок. Говорят, что в глазах своего слуги никто не бывает великим человеком. Для Ленхен Маркс, уж конечно, не был великим. Она пожертвовала бы собой за него сотни раз, отдала бы свою жизнь за него, г-жу Маркс и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно, — и она действительно *отдала* им свою жизнь, — но импонировать *ей* Маркс не мог. Она знала его со всеми его причудами и слабостями и могла обернуть его вокруг пальца. Когда он бывал сильно раздражен и метал громы и молнии, так что другие предпочитали быть подальше от него, Ленхен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, так убедительно отчитывала его, что лев становился смирнее ягненка.

9. ПРОГУЛКИ С МАРКСОМ

Наши поездки в Хемстед Хис! Проживи я еще тысячу лет — я их не забуду. «Луга» Хемстеда, расположенные за Примроз Хиллом и, подобно последнему, известные всему нелондонскому свету по диккенсовским пикквиковцам, все еще представляют собой в большей своей части пустырь, то есть незастроенную, поросшую дробом и рошицами холмистую местность, с миниатюрными горами и долинами, где каждый может бродить совершенно свободно, не опасаясь, что страж священной собственности остановит и оштрафует его за «trespassing» — то есть за недозволенное вторжение в чужие владения. Еще и сейчас Хемстед Хис — излюбленное лондонцами место для пикников; в хорошую погоду по воскресеньям он весь кишит народом — мужчинами и женщинами, причем последние с особым удовольствием испытывают терпение и без того весьма терпеливых верховых осликов и лошадей. Но сорок лет тому назад Хемстед Хис был еще гораздо обширнее и гораздо естественнее и своеобразнее, чем сейчас. Провести воскресенье в Хемстед Хисе было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрос-

лые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже самое путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята. От Динстрита, где жил Маркс, — в нескольких шагах от Черчстрита, где поселился я, — было туда добрых полтора часа ходьбы, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Эта корзина! Она стоит, или, вернее, висит, перед моим «духовным оком» настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи. (о *крупных* деньгах в то время вообще речи не было), тогда вопрос питания играет весьма значительную роль. Добрейшая Ленхен отлично это знала, и для нас, часто голодавших и поэтому постоянно голодных гостей, в ее добром сердце всегда было достаточно сочувствия. Главным блюдом в воскресенье в Хемстед Хисе был освященный традицией огромный кусок жареной телятины.

Ручная корзина необычных для Лондона размеров, которую Ленхен привезла с собой из Трира, служила хранилищем этого святая святых, своего рода скинией. Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты. Хлеб и сыр покупались в Хемстед Хисе, где, как в берлинских кафе, можно достать посуду, горячую воду и молоко, а также креветок, салат и устриц, смотря по надобности и по средствам...

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину. Если общество было многочисленное,

оно распределялось между различными частями походной колонны. Понятно само собой, что походный порядок мог изменяться в зависимости от настроения и обстоятельств.

Придя в Хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

Но, подкрепившись питьем и едою, все участники прогулки выбирали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но в эту идиллию необходимо было внести и некоторое разнообразие; и вот устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие виды спорта. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех сбросит!» крикнул кто-то. С криками «ура» все принялись за работу. Мавр пришел в настоящую ярость, но, к сожалению, он не был специалистом по сбиванию каштанов. Однако он был неутомим, как и мы все. И только тогда, когда под исступленные крики триумфа был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «treat» (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас, — нас вдвойне: во-первых, своим более чем примитивным умением ездить верхом, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он утверждал свою виртуозность в этом искусстве. Виртуозность состояла в том, что он, еще будучи студентом, взял несколько уроков верховой езды, — Энгельс уверяет, что он не пошел дальше третьего урока, — и что во время своих поездок в Манчестер, раз в семь лет, он выезжал на почтенном Россинанте, по всей вероятности правнучке той смиреннейшей кобылы, которую блаженной памяти Фриц подарил доброму Геллерту.

По дороге домой из Хемстед Хиса бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолии, — для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, — мы были застрахованы нашим неисчерпаемым юмором. Для нас не существовало нудных эмигрантских забот, — тому, кто принимался жаловаться, тотчас же настойчиво напоминали об общественных обязанностях.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзина уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться ими. Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего народные песни, преимущественно чувствительные, и — это сущая правда — «патриотические» песни об «отечестве», например: «O, Strissburg, o, Strassburg, du wunderschöne Stadt!» («О, Страсбург, Страсбург, дивный город!»), — эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негритянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою гигантскую память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...

Когда мы в конце пятидесятых годов поселились в северной части Лондона, в Кентинг-тауне и Хаверстокхолле, то любимым местом наших прогулок стали луга и холмы между Хемстедом и Хайгейтом. Тут мы собирали цветы, определяли растения, что городским детям доставляет особенное удовольствие, — холодное, вечно бушующее каменное море большого города пробуждает в них настоящую страсть к зелени и природе. Какая это была радость, когда мы в наших странствиях наткнулись на маленький, затененный деревьями пруд, где я впервые показал детям живые «дикие» незабудки! Еще больше

было радости, когда однажды на роскошном темнозеленом бархатном лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местности, назло всем запретам, мы нашли среди других весенних цветов, на защищенном от ветра месте, *шафранты*...

10. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ МАРКСА

(*Письмо Тусси*¹)

«О пребывании Мавра в *Мустафе (Алжир)* я могу сообщить только, что погода стояла там отвратительная, что Мавр нашел там очень знающего и милого врача и что в отеле все были к нему внимательны и любезны.

Осень и зиму 1881—1882 годов Мавр провел с Женни в Аржантейле, близ Парижа. Там мы съехались и провели вместе несколько недель. Затем он уехал на юг Франции и в Алжир, но вернулся оттуда в очень плохом состоянии. Осень и зиму 1882 года он прожил в Вентноре (на острове Уайт), откуда возвратился после смерти Женни, 8 января 1883 года.

Теперь о *Карлсбаде*. Впервые мы посетили его в 1874 году. Мавра направили туда из-за болезни печени и бессонницы. В следующем, 1875 году он поехал туда один,— первая его поездка в Карлсбад чрезвычайно ему помогла,— а в 1876 году я опять поехала вместе с ним, так как он говорил, что в прошлом году мое отсутствие было слишком тяжело для него. В Карлсбаде он проделал лечебный курс с величайшей добросовестностью и аккуратно выполнял все, что ему было предписано. Мы приобрели там массу друзей. Мавр был очаровательным спутником. Всегда хорошо настроенный, он был готов радоваться всему — и красивому виду и стакану пива. Благодаря своим всеобъемлющим историческим знаниям он каждую местность, которую мы посещали, умел сделать еще более живой и реальной в прошлом, чем она даже была в настоящем.

О пребывании Мавра в Карлсбаде, кажется, уже кое-что писали. Я, между прочим, слыхала о какой-то большой статье,

¹ Младшая дочь Маркса — Элеонора. — *Ред.*

Дом, в котором Карл Маркс жил последние двадцать лет своей жизни (с 1864 по 1883 год) и в котором он умер.

не помню, в какой газете; быть может, М. О. в Д. знает что-нибудь об этом. Он говорил мне об одной очень хорошей статье.

В 1874 году мы виделись с вами в Лейпциге. Тогда мы заехали на обратном пути в Бинген, который Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью. Кроме того, мы побывали во время этих двух поездок в Дрездене, Берлине, Праге, Гамбурге и Нюрнберге.

В 1877 году Мавр снова собирался в Карлсбад. Однако нас предупредили, что германское и австрийское правительства намереваются его выслать. Так как путешест-

вие должно было быть слишком продолжительным и дорогим, чтобы можно было рисковать высылкой, то он уже больше в Карлсбад не поехал — к большому ущербу для своего здоровья, потому что после лечения в Карлсбаде он всегда чувствовал себя как бы возродившимся.

В Берлин мы поехали главным образом для того, чтобы повидаться с верным другом моего отца, с моим дорогим дядей Эдгаром фон-Вестфаленом. Мы пробыли там всего несколько дней. К великому удовольствию Мавра, мы позже узнали, что в отель, где мы остановились, на третий день нагрянула полиция — ровно через час после нашего отъезда.

Осенью 1880 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр схватил тяжелое воспаление легких, принявшее такой скверный оборот потому, что он всегда запускал свои болезни. Врач

(наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе, в одной комнате.

Наша добрая старая Ленхен (ты знаешь, чем она была для нас) и я превратились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра. Как бы там ни было, я знаю только, что ни Елена (Ленхен), ни я ни разу не легли спать в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда мы уж слишком уставали, мы ложились поочередно на часок.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом.

Мавр поправлялся, и если еще не окреп вполне, то, во всяком случае, набирался сил.

Затем, 2 декабря (1881 года) умерла мамочка. Последние ее слова, — странно, что они были сказаны по-английски, — были обращены к ее «Карлу».

Когда приехал наш дорогой Генерал (Энгельс), он сказал, — и это меня тогда почти ожесточило против него: «*Мавр тоже умер*».

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами, — он ведь до конца был борцом, — но он был сломлен. Общее состояние его здоровья все ухудшалось. Будь он эгоистичнее, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего, — это была его *преданность делу*. Он *пытался завершить свой великий труд* и поэтому согласился поехать еще раз отдохнуть.

Весною 1882 года он отправился в Париж и Аржантейль¹, где я с ним встретила. Мы провели с Женни и ее детьми

¹ Речь идет о поездке, упомянутой в начале этой главы. — *Ред.*

несколько счастливых дней. Затем Мавр отправился на юг Франции и, наконец, в Алжир.

Во все время пребывания в Алжире, Ницце и Каннах его преследовала плохая погода. Из Алжира он писал мне длинные письма. Многие из них я потеряла, так как по его просьбе я пересылала их Женни, а она далеко не все вернула мне обратно.

Когда Мавр возвратился, наконец, домой, он был очень плох, и мы начали опасаться самого худшего. Осень и зиму он по совету врача провел в Вентноре, на острове Уайт. Здесь я должна упомянуть, что в то время я уехала, по желанию Мавра, со старшим сыном Женни, Жаном (Джонни), на три месяца в Италию. Весною 1883 года я поехала к Мавру, взяв с собой Джонни, которого он любил больше всех своих внучат. Я должна была вернуться, так как меня ждали мои уроки.

Но вот обрушился последний страшный удар: известие о смерти Женни. Женни, старшая и самая любимая дочь Мавра, умерла внезапно (8 января). Мы получили письма от Мавра, — они сейчас передо мной, — в которых он писал, что здоровье Женни улучшается и что нам (Елене и мне) опасаться нечего. Телеграмму с известием о смерти мы получили через час после письма, в котором Мавр писал это. Я тотчас же поехала в Вентнор. Мне приходилось в жизни переживать немало горьких минут, но никогда мне не было так тяжело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор. Во время этого длинного мучительного путешествия я ломала себе голову над тем, как мне сообщить ему это известие. Но мне не пришлось ничего сказать, меня выдало выражение моего лица, — Мавр сразу сказал: «Наша Женничка умерла!» и тут же велел мне ехать в Париж, к детям. Я хотела остаться с *ним*, но он не терпел никаких возражений. Едва пробыв в Вентноре полчаса, я снова пустилась в безрадостный путь в Лондон, чтобы оттуда тотчас же ехать в Париж. Я сделала то, чего хотел Мавр ради детей.

Не буду говорить о своем обратном путешествии; я с ужасом вспоминаю это время — какие душевные муки! какая пытка! Но довольно об этом. Я возвратилась, и Мавр тоже вернулся домой — *чтобы умереть*.

11. НУЖДА И ЛИШЕНИЯ

О Марксе невероятно много лгали; говорили, между прочим, и о том, что он будто бы живет весело и шумно, тогда как масса рядовых эмигрантов вокруг него голодает и гибнет. Я не считаю себя вправе входить здесь в дальнейшие подробности, но могу сказать одно: те моменты острого безденежья, упоминание о которых мы находим в отдельных записях г-жи Маркс, не были единичными случаями, возможными всегда, особенно когда люди живут на чужбине без всякой опоры. Самая злая эмигрантская нужда годами преследовала Маркса и его семью. Немного найдется эмигрантов, претерпевших больше лишений, чем Маркс с семьей. Даже и впоследствии, когда его заработки увеличились и стали более регулярными, семья Маркса не была избавлена от заботы о хлебе насущном. Годами, — и это были годы, когда худшее время уже осталось позади, — единственной верной статьей дохода был один фунт стерлингов (20 марок), который Маркс еженедельно получал за свои статьи в «Нью-Йоркской трибуне»...

12. МОГИЛА МАРКСА

Ее следовало бы скорее назвать *фамильным склепом* семьи Маркс. Она находится на *Хайгейтском* кладбище, в северной части Лондона, на холме, откуда виден весь огромный город.

Памятника Маркс для себя не хотел. Поставить творцу «Коммунистического манифеста» и «Капитала» иной памятник, кроме того, который он сам себе воздвиг, было бы оскорблением для великого усопшего. В головах и сердцах миллионов рабочих, уже соединившихся по его призыву, он не только воздвиг себе памятник прочнее меди, но и создал живую почву, на которой все, чему он учил, претворяется, а отчасти уже и претворилось в дело.

Мы, социал-демократы, не признаем святых, и могилы как святыни для нас не существует; но миллионы людей с благодарностью и благоговением помнят о человеке, который покоится в кладбищенской земле на севере Лондона. И через

тысячи лет, когда варварство и ограниченность, восстающие ныне против освободительных стремлений рабочего класса, станут почти невероятной сказкой прошлого, свободные, благодарные люди будут стоять у этой могилы с непокрытой головой и будут говорить своим детям: «Здесь покоится Карл Маркс».

Здесь покоится Карл Маркс и его семья. Простая мраморная плита, увитая плющом, лежит в изголовье могилы, обложенной мрамором. На плите начертано:

Jenny von Westphalen
The beloved wife of
Karl Marx
Born 12. February 1814.
Died 2. December 1881.
And Karl Marx
Born May 5. 1818; died March 14. 1883.
And Harry Longuet
Their grandson
Born July 4. 1878; died March 20. 1883.
And Helene Demuth
Born January 1. 1823; died November 4. 1890.

Женни фон-Вестфален
Возлюбленная супруга
Карла Маркса
Родилась 12 февраля 1814.
Умерла 2 декабря 1881.
И Карл Маркс
Родился 5 мая 1818; умер 14 марта 1883.
И Генрих Лонге
их внук
Родился 4 июля 1878; умер 20 марта 1883.
И Елена Демут
Родилась 1 января 1823; умерла 4 ноября 1890.

В семейной могиле похоронены не все умершие члены семьи. Трое умерших в Лондоне детей погребены на других лондонских кладбищах: один из них, Эдгар (Муш), наверное, а двое остальных, по всей вероятности, — на кладбище Уайтфильд Чэпель, в Тотенхэм Корт Род. Женни Маркс, любимая

дочь Маркса, покоится в *Аржантейле*, близ Парижа, где смерть вырвала ее из круга цветущей семьи.

Но если и не для всех умерших детей и внуков нашлось место в семейном склепе, то нашлось оно для одного человека, который был членом семьи, хотя и не был связан с ней кровными узами, — для «верной Ленхен», *Елены Демут*.

То, что она будет похоронена в семейной могиле, решила еще г-жа Маркс, а за нею и сам Маркс. И Энгельс, в своей верности не уступавший Ленхен, вместе с *оставшимися в живых* детьми исполнил этот долг, что он сделал бы и по собственному своему побуждению.

Как дети Маркса относились к Ленхен, как нежно они были к ней привязаны, с каким пиэтетом чтут ее память, доказывают опубликованные в другом месте письма младшей дочери Маркса.

Посетив в последний раз Лондон, я возвращался домой через Париж. В *Дравейле*, где *Лафари* и его жена, *Лаура Маркс*, устроили себе уютное деревенское гнездышко, я погрузился вместе с «Лерхен» в старые лондонские воспоминания и заговорил о своем намерении написать эту книгу. Тогда и она сказала мне, точно так же, как это сделала Тусси в своем вышеприведенном письме и позднее устно: «Смотри же, не забудь про Ленхен!»

Нет, я не забыл Ленхен и никогда ее не забуду. Она ведь целых сорок лет была мне *другом*, а во время эмигрантской жизни в Лондоне была иной раз и *моим* «провидением». Как часто она ссужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто, — потому что, когда *там* наступал пост, тогда у Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда *моих* портновских способностей уже не хватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую мне было нечем по финансовым причинам.

Когда я увидел Ленхен в первый раз, ей было двадцать семь лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей высокой, стройной фигурой и приятными чертами лица она была очень привлекательна. В поклонниках у нее недостатка не

было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, но для ее преданного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с Мавром, с «г-жой Маркс» и с детьми.

И она осталась, — а годы юности промчались. Она осталась, переноса с ними нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила людей, с судьбою которых она связала свою собственную. У Энгельса она нашла покой, у него же и скончалась, забывая о себе до последней минуты. Ныне она покоится в семейной могиле.

* *
*

Друг Моттелер, «красный почтмейстер», живущий теперь в Хемстеде, недалеко от Хайгейта, описывает могилу Маркса следующим образом:

«Могила *Маркса* обложена белым мрамором, из того же камня сделана и маленькая плита, на которой черными буквами начертаны имена и даты. Дерн, привезенный мною в свое время из Швейцарии, плющ и несколько кустиков роз, по большей части заросших травой, служат скромным украшением могилы. Два раза в неделю я обыкновенно проложу мимо Хайгейта, там, где покоится Маркс. Если могила уж очень сильно зарастает, я выпалываю траву. Иной раз кое-что и засыхает, особенно если лето такое жаркое, как два последних года (в этом году, когда на континенте было столько дождей, в Англии стояла засуха, какой никто не упомнит, и даже в парках трава совершенно засохла). Даже с помощью *Леснера* я не был в состоянии защитить могилу от солнца, и поэтому мы в конце концов были вынуждены, — разумеется, с согласия *Эвелингов*, которые из-за чрезвычайной дальности расстояния приезжают лишь изредка, — поручить могилу попечению кладбищенского сторожа».

КАРЛ МАРКС

Беглые заметки

Мои австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мне поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борются за дело, которому посвятил свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую послать им несколько беглых, разрозненных заметок о моем отце...

Много странных рассказов ходит о Карле Марксе, начиная от его «миллионов» (фунтов стерлингов, конечно, не меньше) и кончая субсидированием его Бисмарком¹, постоянным посетителем которого в Берлине в эпоху Интернационала якобы был Маркс (!). Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком, чем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого

¹ Бисмарк Отто, князь (1815—1898) — крупнейший государственный деятель и дипломат Германии XIX века, прозванный «железным канцлером». — *Ред.*

приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех знавших его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно, пожалуй, считать его неизменно веселое расположение духа и его безграничную отзывчивость. Его доброта и терпение были поистине изумительны. Менее терпеливого человека выводили бы из себя люди, постоянно отрывавшие его от работы и обращавшиеся к нему с просьбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды один из эмигрантов Коммуны (между прочим, невыносимо надоедливый человек) в течение трех смертельно скучных часов не давал Марксу работать, и когда ему, наконец, сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил на это: «Милый Маркс, я вас извиняю».

И как по отношению к этому надоедливому человеку, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием), Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людей. Его умение подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах. Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто высказывал стремление научиться чему-нибудь.

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх. Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет и «Мавр» (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику в Грэфтон-Тэррес и влетал в мои темные локоны цветущие вьюнки. Мавр, по общему

признанию, был великолепной лошастью. В давние времена, — я этого не помню, но мне об этом рассказывали, — мои сестры и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «запрягали» Мавра в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их. И я действительно слышала от него, что некоторые главы из «18 брюмера Луи Бонапарта» он написал на Динстрит-Сого, привязанный к трем стульям, и три малыша «правили», подгоняя его кнутом. Я же лично — может быть, потому, что у меня не было сестер моего возраста, — предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плече, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по не застроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтон-Тэррес.

Еще только несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читатели «Капитала» знают, с каким умением Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все более близкие друзья. Он был также нашим «Чали» (образовалось, вероятно, от искаженного Чарли, то есть Карла) и «Old Nick» (Леший). Моя мать была всегда наша «Мэмэ». Наш старый дорогой друг Елена Демут — неизменный друг моих родителей, — после того как ей сперва надавали множество других прозвищ, стала нашей «Ним». Энгельс после 1870 года стал нашим «Генералом». Лина Шелер, наш ближайший друг, была нашим «Old Mole» — Старым Кротом. Моя сестра Женни — «Кви-Кви — император Китая» и «Ди». Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду». Я называлась «Тусси» — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво — китайский принц», а долгое время также и «Карликом Альберихом» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя Мавр был и отличной лошастью, он все же обладал еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок. Я часто слышала от своих теток, что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гнал их в качестве лошадок галопом

с Маркусберга (Маркусовой горы) в Трире и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли «погонять» себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл. Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю», требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рэкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором! Ганс Рэкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутаны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в Ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то, что он был волшебник, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден — совершенно против своего желания — постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рэкле. Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр подарил мне ко дню моего рождения первую новеллу — бессмертного «Петера Симпля». Потом последовали полные собрания сочинений Мариетта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Мариетта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне. Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кэмпбел. Затем возник заговор восстания в горной Шотландии и проект повторения «45-го года» (1745)¹. Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдингга. Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не заметила, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и хотя она и не сознавала, что

Дом, в котором происходили заседания Генсовета (1869—1870 годы).

¹ В 1745 году в Шотландии произошло вооруженное восстание под лозунгом восстановления государственной самостоятельности Шотландии. — Ред.

ее учат, — а то бы она стала противиться этому, — он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о «политике» и «религии». Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все так спокойно и отчетливо, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало сомнений. А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: «Пустите детей и не возбраняйте им приходиться ко мне», так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Хемстед Хисе — обширном открытом пустыре к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома, — либо в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавливали его на улице. Так же доверчиво относились к нему и животные. Чужие собаки и кошки ласкались к нему и лизали ему руки. Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, остановил грозного «вождя Интернационала» в Мейтленд-парке и предложил ему: «Swor knives» («Меняй ножи»). После того как он объяснил Марксу, что «swor» на языке школьников означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним клинком, а у Маркса — с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и «страшный вождь Интернационала» дал еще пенни впридачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне и Синие книги вытеснили на некоторое время Мариетта и Вальтера Скотта. Никогда Мавр не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно

быть, очень мешало присутствие вечно болтающего малыша, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн¹ никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и относить на почту. Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо они уж очень были забавны.

Таким вот идеальным другом был Мавр в продолжение моих детских и юношеских лет. Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в те годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, и до самой смерти.

Я рассказала, как Маркс относился к детям. Его отношение к животным было такое же прекрасное, и если бы место и время это позволили, я могла бы рассказать много историй о нашем зверинце в Мейтленд-парке — о наших кошках, собаках, птицах и черепахах.

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но и они были бы совершенно не полны, если бы я не сказала несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон-Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую. Женни фон-Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которую Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящим, как и красота ее. Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе, юношей и девушкой — он семнадцати, она двадцати одного года — они были помолвлены, и как Иаков и Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности,

¹ Линкольн Авраам (1809—1865) — президент САСШ, лучший представитель буржуазной демократии. — Ред.

клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Еленой Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине он мог бы сказать о ней словами Броунинга¹:

И навсегда она моя.
Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее.

Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им. Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличия и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв смеха. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавленного смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой, — это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на какие миллионы, якобы унаследованные мною. Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой четой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буржуа. Если за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную неблагодарность, они все же имели то, что дано немногим: верных друзей. Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непре-

¹ Броунинг Роберт (1812—1889) — английский поэт-мыслитель. — *Ред.*

клонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-нибудь в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог разъесть, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных.

Моя мать умерла в декабре 1881 года. Через пятнадцать месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с нею. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то он воистину — «человек во всем значении слова, нам не найти подобного ему».

Л. М. Каганович

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

НА СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
КАРЛА МАРКСА, 14 МАРТА 1933 ГОДА

товарищи! Наша партия, рабочий класс и трудящиеся массы Советского Союза вместе с революционным пролетариатом всего мира чествуют сегодня память величайшего в мировой истории человека, основоположника научного коммунизма, теоретика и вождя рабочего класса, гениального провозвестника революционной диктатуры пролетариата, организатора и руководителя первой международной коммунистической партии — Карла Маркса.

О величии Маркса можно судить по тому, что его учеником и продолжателем его дела был гениальный вождь большевиков и международной пролетарской революции — Ленин. О величии Маркса можно судить по тому, что его учеником, продолжателем дела Маркса и Ленина является великий вождь нашей партии и международного пролетариата — товарищ Сталин.

Не было в мировой истории человека, теория которого так овладела бы миллионными массами рабочих и трудящихся. Чем же это объясняется? Чем был велик и знаменит Маркс?

Первое. Маркс первый в мировой истории научно обосновал неизбежность крушения капитализма и создания социалистического общества.

И до Маркса были люди, которые мечтали о таком обществе, где не будет эксплуатации и гнета, где не будет паразитизма кучки эксплуататоров и нищеты миллионов трудящихся. Эти мечтатели не понимали корней эксплуатации в капиталистическом обществе. Они не знали законов развития этого общества, и поэтому они приходили к выводу, что устранение эксплуатации и гнета, нужды и нищеты зависит от доброй воли капиталистов. Они надеялись путем компромисса, путем мирной пропаганды своих идей убедить господствующий класс в необходимости изменить существующие отношения.

Социалисты-утописты мечтали о социализме без классовой борьбы. Вот почему эти мелкобуржуазные романтики не имели за собою масс. Вот почему они не оказали сколько-нибудь значительного влияния на рабочее движение. В отличие от этих утопистов, среди которых были и великие люди, как Сен-Симон¹, Шарль Фурье² и Роберт Оуэн³, Маркс научно вскрыл законы развития капиталистического общества. Он доказал, что эксплуатация пролетариата лежит в самой основе капиталистической системы.

Маркс научно доказал неизбежность гибели капитализма. Он доказал, что социализм придет в результате неизбежной катастрофы капитализма, в результате жестоких схваток пролетариата с буржуазией. В своем бессмертном произведении «Капитал» Маркс писал: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

В борьбе с оппортунистами, развивая учение Маркса применительно к новой эпохе империализма и пролетарских революций, Ленин отстаивал революционное учение Маркса от всех попыток социал-оппортунистов извратить и исказить, фальсифицировать и опошлить его и поднял это учение на высшую ступень. Дело Ленина продолжает товарищ Сталин,

¹ Сен-Симон (1760—1825) — французский социалист-утопист. — *Ред.*

² Фурье Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист. — *Ред.*

³ Оуэн Роберт (1771—1858) — английский социалист-утопист, основатель кооперативной общины. — *Ред.*

который последовательно развивает дальше марксизм-ленинизм применительно к новым условиям нашей борьбы и строительства.

Второе. Маркс первый научно обосновал необходимость диктатуры пролетариата как переходного периода между капиталистическим и коммунистическим обществом; он доказал необходимость революционного свержения капитализма, установления и укрепления диктатуры пролетариата.

Только насильственной революцией может добиться победы рабочий класс. Только установлением железной диктатуры пролетариата можно закрепить победу революции и путем упорной борьбы с эксплуататорскими классами и с остатками этих классов можно создать социалистическое общество.

Маркс не только наметил этот основной стратегический путь перехода от капитализма к коммунизму. Маркс гениально наметил линию борьбы пролетариата за руководство крестьянством и национально-революционным движением.

Теоретики II Интернационала, эти вульгаризаторы и фальсификаторы марксизма, особенно яростно нападают на революционное учение Маркса о диктатуре пролетариата, так как именно это учение является краеугольным камнем в марксизме. Вопрос о диктатуре пролетариата Маркс выдвигал везде и всюду, на всех этапах своей революционной деятельности, как основное и самое важное в пролетарской борьбе. И в «Коммунистическом манифесте», написанном Марксом восемьдесят пять лет тому назад, и в «Критике Готской программы», написанной Марксом в 1875 году, почти тридцатью годами позже, подчеркнута необходимость и неизбежность революционной диктатуры пролетариата.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период. И государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».

В борьбе с ренегатами марксизма и предателями рабочего движения, в борьбе с вождями и теоретиками II Интернационала Ленин развил Марксово учение о диктатуре пролетариата и поднял его на новую ступень. Ленин открыл советскую

власть как форму диктатуры пролетариата и гениально разработал вопрос о взаимоотношениях пролетариата как класса-гегемона с его союзником — трудящимися массами крестьянства.

Лучший ученик Маркса и Ленина товарищ Сталин развил дальше марксистско-ленинское учение о пролетарской диктатуре, в особенности вопрос о путях уничтожения капиталистических элементов. Товарищ Сталин развил учение Ленина о возможности построения социализма в нашей стране. Товарищ Сталин разработал величайший по своему всемирно-историческому значению план наступления социализма по всему фронту.

Именно потому, что наша партия и ее вожди Ленин и Сталин по-марксистски руководили диктатурой пролетариата, мы удержали и укрепили эту диктатуру и добились величайших побед на своем революционном пути.

Пролетарская диктатура разбивала и разбивает всех врагов рабочего класса, начиная с помещиков и капиталистов и их лакеев — меньшевиков и эсеров — до троцкистов и подобных им элементов.

Партия разбивала и разбивает затесавшихся в ее ряды оппортунистов, которые, по примеру правых уклонистов, стремятся к ослаблению и размагничиванию диктатуры пролетариата. Это относится ко всем оппортунистическим, «левацким», примиренческим и болотистым элементам.

Русское издание «Коммунистического манифеста», вышедшее в 1882 году.

Мы диктатуру пролетариата осуществили; мы твердо и последовательно осуществляем учение Маркса и Ленина; мы укрепляем диктатуру пролетариата для того, чтобы, разбивая врагов на своем пути, идти уверенно к завершению того дела, к которому нас звал восемьдесят пять лет тому назад Маркс в своем «Коммунистическом манифесте», к которому нас звал Ленин и к которому нас зовет теперь и ведет лучший марксист, лучший революционер, лучший теоретик марксизма-ленинизма — товарищ Сталин.

Третье. Маркс первый научно обосновал необходимость самостоятельной политической партии пролетариата, его авангарда, его передового, самого революционного, самого сознательного, самоотверженного и дисциплинированного отряда.

Маркс не только дал рабочему классу идею о необходимости партии, — он эту идею сам претворял в жизнь. Маркс вместе со своим великим соратником Энгельсом был основателем первой международной коммунистической партии — «Союза коммунистов», начавшего свое существование еще восемьдесят пять лет тому назад. Маркс был организатором и вождем I Интернационала, славным преемником которого является наш Коммунистический интернационал, международная партия революционного пролетариата.

Марксова теория о партии, как и сама партия, которой руководил Маркс, складывалась в решительной, упорной, непрестанной борьбе на два фронта. Иные думают, что лозунг нашей партии о борьбе на два фронта является чем-то новым, присущим только большевикам или даже только последнему десятилетию развития нашей партии. Но так представлять дело могут либо явные враги нашей партии, либо те, которые не знают совершенно истории революционного движения, не знают истории марксизма. На протяжении всей своей жизни Маркс неуклонно боролся с оппортунистическими течениями и тенденциями в рабочем движении как правого, так и левого толка. Он беспощадно разоблачал так называемых «социал-филантропов», которые пытаются направить рабочее движение по руслу соглашательства с буржуазией. Он зло высмеивал всякого рода фразеров и болтунов, которые

пытались подменить революционное дело революционной фразой.

Весь сорокалетний революционный путь Маркса от середины сороковых годов до последних дней его жизни — это путь борьбы, с одной стороны, против прудонистов, лассальянцев, тред-юнионистов и прочих агентов буржуазии в рабочем движении, с другой — против бакунистов, сектантских и анархистских элементов.

Маркс неоднократно подвергался нападкам со стороны всякого рода оппортунистов. Его называли доктринером, фанатиком, диктатором, нетерпимым и т. д. и т. д. Подобными же кличками, как мы хорошо это помним, награждали меньшевики, троцкисты и прочие оппортунисты вождей нашей партии — Ленина и Сталина. Но рабочий класс своим классовым инстинктом знает истинные корни этой ненависти буржуазии и ее прихвостней к вождям пролетариата. И чем больше клеветали и поносили славные имена вождей рабочего класса, тем теснее и с большей любовью сплачивались рабочие вокруг знамени коммунистической революции, вокруг своих бессмертных вождей — Маркса, Энгельса, Ленина, тем с большей любовью они сплачиваются вокруг товарища Сталина.

Если марксизм победил на одной шестой части земного шара, если великие идеи Маркса о диктатуре пролетариата, руководимой коммунистической партией, и о победе социализма стали фактом, то этим мы обязаны твердой и последовательной борьбе нашей партии за революционный марксизм.

Именно благодаря этому мы одержали величайшие, всемирно-исторического значения победы в деле социалистической индустриализации страны и социалистической переделки крестьянства — коллективизации сельского хозяйства. Наша партия оказалась победительницей именно потому, что она на всем своем пути, оставаясь верной традициям марксизма, разбивала все и всякие оппортунистические вылазки, сметала со своего пути всю гниль, все отбросы, всю агентуру классового врага.

Товарищи, мы отмечаем сегодня пятидесятилетие со дня смерти Маркса в обстановке, когда больше чем когда бы то ни было мы имеем яркие доказательства правильности революционного учения Маркса. В нашей Стране Советов, в стране диктатуры пролетариата, рабочий класс под руководством своей большевистской партии планомерно ведет свое социалистическое хозяйство, твердо и уверенно ведет страну к полному построению социалистического общества. За рубежами нашей страны, во всех капиталистических странах, бушует и свирепствует небывалый в истории капитализма кризис, как бы наглядно показывая правильность Марксовой теории кризисов.

На протяжении всей истории последних десятилетий буржуазия неоднократно атаковывала марксизм, пытаясь уничтожить его, применяя самые дикие репрессии против революционной партии пролетариата. Но ни марксизм, ни революционная партия не уничтожены, потому что нельзя уничтожить рабочий класс, нельзя уничтожить класс, который все создает, все производит.

А раз существует рабочий класс, то неизбежно должен существовать и его революционный авангард, неизбежно должен существовать и развиваться марксизм как революционная теория пролетариата.

Наши братские компартии организуют под руководством Коминтерна рабочие массы, сплачивают их идейно и организационно к новым и новым боям. Наши братские компартии, в особенности наша славная боевая братская коммунистическая партия Германии, лицом к лицу с фашистским разгулом буржуазии возглавляют революционную борьбу пролетариата. Нашу братскую партию в Германии фашисты терроризируют и хотят уничтожить, но все, кто неоднократно пытался это делать, оказывались в смешном положении. Русский царизм тоже хотел уничтожить партию большевиков, и сам рухнул под ударами революции. Нельзя уничтожить партию класса, которому принадлежит будущее. Нельзя уничтожить марксизм, как нельзя уничтожить законы истории, ведущие к неизбежной гибели капитализма и к победе социализма.

Мы чествуем сегодня память Маркса, память великого, пламенного революционера, давшего рабочему классу всего мира правильную теорию — светоч, указывающий путь к победе. Эта память является для нас, большевиков, марксистов-ленинцев, и для всех революционных пролетариев и трудящихся масс новым призывом к сплочению сил для борьбы против капитализма, за международную пролетарскую коммунистическую революцию.

Сегодня во всем мире с еще большей силой раздается клич Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вперед же, к новым боям и победам!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Ф. Энгельс.</i> Речь на могиле Маркса	3
<i>В. И. Ленин.</i> Карл Маркс	6
<i>Поль Лафарг.</i> Воспоминания о Марксе	11
<i>В. Либкнехт.</i> Из воспоминаний о Марксе	40
<i>Элеонора Маркс-Эвелинг.</i> Карл Маркс	79
<i>Л. М. Каганович.</i> Вступительная речь на собрании, посвященном пятидесятилетию со дня смерти Карла Маркса, 14 марта 1933 года	88

ОПЕЧАТКА

Страница	Напечатано	Следует читать
71	Карл Маркс с дочерью Элеонорой (1865 год).	Карл Маркс со старшей дочерью Женни Лонге (1865 год).

Цена 3 руб.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ КАРЛ МАРКС